

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.17805/zpu.2017.3.9

Цивилизационный фактор русской революции

А. А. ГОРЕЛОВ

Институт философии Российской академии наук

Сто лет назад в России накопились глубинные противоречия, которые не были мирно разрешены тогдашней элитой общества. Противоречия обострились как внутри капиталистического общества, так и между бурно развивающимся капитализмом и воспитанной в общине огромной крестьянской массой, которая не осталась безучастной и была вовлечена в революционное пламя. В работе рассматривается цивилизационный фактор русской революции 1905–1907 гг. и 1917 г., который столь же важен, как фактор формационный. Обращается внимание на взгляды Л. Н. Толстого и В. И. Ленина. Они характеризовали русскую революцию как антикапиталистическую и способную перерасти в социалистическую, а также обращали внимание на особенности протекания русской революции и ее результаты в плане перехода от первой, православной, модификации русской идеи ко второй — советской.

Анализируются три основные силы русской революции на трех уровнях — стихийном, активизировавшемся в условиях вакуума власти, политическом — на уровне политических организаций и коалиций и идеологическом, представленном капиталистической и социалистической идеологиями и русской идеей. Показывается, как утверждалась власть нового типа государственности — Советов, основанных на принципах, аналогичных общинному самоуправлению, под доминированием партии большевиков; как в экономике укреплялись новые, коллективистские формы жизнеустройства при жестком управлении «партии нового типа»; как в духовно-идеологической сфере на смену православным, церковным устоям общества пришли социалистические принципы морали и нравственности. Отмечаются уроки русской революции 1917 г.: захват власти и уничтожение прежней элиты не обеспечивает окончательной победы социализма, так как возможно перерождение возникшей новой элиты; для построения социализма и удержания социалистических преобразований необходим достаточно высокий уровень нравственного развития общества; построенный социализм должен соответствовать особенностям данной цивилизации и национальному менталитету и характеру ее представителей.

Выводы статьи могут служить материалом для дальнейших дискуссий, посвященных событиям, которые изменили ход русской и мировой истории. Русская революция имела положительные и отрицательные последствия.

Ключевые слова: история России; революция; русская революция; Советы; социализм; община; большевики; русская идея; Л. Н. Толстой; В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

В феврале 1917 г. как гром среди ясного неба грянула вторая русская революция. Под русской революцией в данной работе понимается совокупность событий, происшедших в России в 1905–1907 гг. (первая русская революция) и в 1917 г. (Фев-

ральская и Октябрьская революции), которые привели к кардинальному изменению экономических, политических и идеологических реалий страны и оказали большое влияние на многие регионы планеты. Русская революция была таковой не только по месту ее проведения, но (частично) и по своей сути. Она несет на себе отпечаток русской идеи, национального характера и менталитета народа, демонстрирует трагическую роль расколотости российского общества со времен Петра I.

«То, что началось в Питере 23 февраля, — писал позднее Н. Н. Суханов, — почти никто не принял за начало русской революции <...> Казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличалось от движения в предыдущие месяцы. Такие беспорядки происходили перед глазами современников многие десятки раз» (цит. по: Зензинов, 1991: 107). Не было ни одной политической организации или совокупности таковых, которая подготовила бы ее и осуществила. Даже для грезившего революцией В. И. Ленина она стала неожиданностью. Правда, к этому времени он уже довольно долго жил в Швейцарии и не торопился возвращаться на родину, пока не началась революция.

Последняя развивалась стремительно, и уже через неделю после начала стихийного выступления масс и забастовок рабочих самодержавие пало. Важное значение имело то, что народное движение в столице было поддержано войсками Петроградского гарнизона и распущенной 26 февраля царем Государственной думой. 27 февраля был создан Временный исполнительный комитет Петроградского совета рабочих депутатов, а на следующий день — Временный комитет Государственной думы. 2 марта было образовано Временное правительство, и в тот же день Николай II отрекся от престола в пользу брата Михаила, который через пару дней отказался от немедленного принятия верховной власти. Наступило «двоевластие» Временного правительства, сформированного руководством Государственной думы, и возникшего по примеру первой русской революции Совета рабочих и солдатских депутатов.

По историческим меркам самодержавие рухнуло в мгновение ока, однако предпосылки революции стали накапливаться задолго до ее свершения, а одной из первых узловых точек ее отсчета некоторые исследователи называют Крестьянскую реформу 1861 г., которая освободила крестьян от крепостной зависимости, но не обеспечила их необходимым количеством земли (оставшейся в помещичьей собственности) для нормального существования. Интересно, что годом ранее Достоевский ввел понятие русской идеи.

Репетицией 1917 г. стала первая русская революция 1905–1907 гг., которая началась после неудачной для России Русско-японской войны 1904–1905 гг. Кровавым воскресеньем, а в результате принесла населению определенные политические свободы, совещательную Государственную думу и экономические реформы, в том числе направленные на разрушение сельской общины, которые не предотвратили новую революцию, а, наоборот, способствовали ей. На революцию 1917 г. повлияли тяготы Первой мировой войны. И в целом она стала результатом системного кризиса российского общества, в котором сплелись в один узел проблемы *экономические* — капиталистические противоречия в промышленности между трудом и капиталом и феодальные противоречия в сельском хозяйстве между помещиками и крестьянами; *политические* — между русской «землей» и русским государством, имеющим монополию на власть; *цивилизационные* — между хлынувшей в петровское «окно» западной цивилизацией и исконной русской; *религиозные*, которые верующие русские мыслители от Хомякова до Солженицына считали главными, а простой народ выражал

словами «Бога забыли». Каждая из этих причин имела в России свою специфику и превратила страну в слабое звено в цепи мировых государств.

На эти факторы наложилось и субъективное их восприятие, изменение поведения населения, его психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, т. е. те причины, которые можно назвать *ценностными*. Следует признать, что в обсуждении причин русской революции первостепенное внимание уделялось экономическим и политическим, тогда как причины цивилизационные и религиозные отодвигались зачастую на второй план, искажая целостную картину событий. Не отрицая экономических и политических причин и факторов русской революции, надо иметь в виду, что тщательное изучение трудов русских мыслителей XIX — начала XX в. позволяет глубже понять цели и задачи русской революции.

Была ли она неизбежна? Думаю, что ее фатальной предопределенности не было. Но для совладания с расщепляющими тенденциями, возобладавшими в российском обществе, одних интеллектуальных усилий противников революции оказалось недостаточно. В противостоянии центристских и центробежных сил победили последние. Анализ причин и статуса революции 1917 г. на двух ее этапах — февральском и октябрьском, задач, которые ставились ее организаторами, и степени их выполнения позволяет определить последствия этого эпохального события вековой давности.

На наш взгляд, свержение самодержавия стало следствием соединения *трех сил*, которые встретились в русской революции и предопределили ее судьбу. Каждую из этих сил можно рассматривать на трех уровнях — стихийном, политическом и идеологическом. Первая сила — *западная капиталистическая идеология* в ее преимущественно либеральном варианте, которая приобрела влияние на волне бурного развития капитализма в России во второй половине XIX в. Большая часть образованного общества накануне революции 1917 г. исповедовала идеалы либерализма. В политическом отношении эта сила была представлена партией конституционных демократов (кадетов) и ее попутчиками, объединившимися с нею в Государственной думе в «Прогрессивный блок». Кадеты имели большинство в Четвертой, последней Государственной думе и в первом составе Временного правительства, но, как признавал лидер конституционных демократов (она же партия народной свободы) П. Н. Милюков, либеральным партиям после Февральской революции пришлось «подчиниться целям социализма», т. е. делать именно то, чего они не хотели» (цит. по: Анин, 1991: 57). Это привело к снижению их авторитета, и выборы в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. они проиграли и эсерам, и большевикам.

Вторая сила — *западная социалистическая идеология* (в основном марксистского направления), политически представленная социал-демократами (меньшевиками), имевшими первоначально большинство в Советах. Представители первых двух сил солидаризировались между собой в основном вопросе русской революции 1917 г., а именно: они считали, что она капиталистическая по своей сути революция и должна привести к преодолению препятствий на пути развития капитализма в России. Поэтому мирное «двоевластие» на первом этапе революции 1917 г. и объяснялось тем, что обе силы стремились к одной цели.

Третья сила — это *стихийное движение масс*, которое послужило отправной точкой революции и в которой преобладали мотивы русского бытового, бессознательного, непосредственного социализма, как называл его А. И. Герцен. Это преимущественно сила «*земли*», в отличие от силы *государства* (обоснование различия этих понятий проводил К. С. Аксаков), и она вышла на первый план в период краха госу-

дарственности, вызванного революцией. Министр внутренних дел и умиритель революции 1905–1907 гг. П. Н. Дурново предупреждал царя перед началом Первой мировой войны, что особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет Россия, где народные массы «исповедают принципы бессознательного социализма» (там же: 53). Эта сила идеологически была представлена русской идеей с учениями о церкви, соборности, общине и русском социализме. Что же касается политического уровня, то этот ключевой вопрос русской революции будет подробно рассмотрен ниже.

Данные три силы смогли, по видимости, легко победить монархические течения, некоторые из которых, представленные в Государственной думе, и сами хотели заметить царя на другую фигуру и способствовали отречению Николая II. Победив монархию и монархистов, три отмеченные выше силы стали уже бороться между собой, и процесс этой борьбы был главным в период с Февраля по Октябрь. Октябрьским переворотом русская революция завершилась, и затем разгон Учредительного собрания и кровопролитная Гражданская война закрепили ее результаты. Была создана новая реальность, которая отличалась и от идеального в европейском духе социализма, о котором грезили большевики, и от русского социализма, о котором писал Ф. М. Достоевский.

В этой работе речь пойдет прежде всего о том вкладе, который внесла в реальный социализм русская идея в теории (в лице А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого) и в ее более чем тысячелетней практике. Начальными базовыми характеристиками русской цивилизации были *терпимость* (основная ее черта, по Данилевскому, в противоположность насильственности как основной черте западной цивилизации), *религиозность* и *общинность* (основанная на коллективном труде, совместном владении землей и самоуправлении). На основе этого цивилизационного ядра русской культуры были построены в XIX в. идеальные конструкции учения о единой церкви, о соборности, о русском социализме как братстве всех людей во Христе и о русской цивилизации как особом культурно-историческом типе.

Эти идеальные конструкции представляют собой общественные и нравственные идеалы, которые не беспочвенны и не оторваны от реальности развития цивилизации, а вызываются ею и воплощаются (конечно, не без изъянов) в ней. Идеальные конструкции — это горизонт, который сам по себе никогда не будет достигнут, но может служить ориентиром, направлением развития человека и общества. Данные идеальные конструкции можно считать, с учетом сказанного, альтернативами реально свершившихся событий.

На Октябрьском этапе русская революция направлялась коммунистической идеологией и прежде всего марксизмом, а в широком плане тем, что получило название европейского социализма. Настоящими вождями русской революции стали *разины* и *пугачевы* с «Капиталом» в руках и головах, которые выдавали теперь себя не за чудом спасшихся царей, а за познавших ход мировых событий гениев.

Но многие исследователи отмечали, что революция осуществилась не совсем, если не сказать — совсем не по Марксу. Важным источником русской революции были глубинные особенности русской цивилизации, русской идеи, русского национального характера и менталитета и непосредственный, бытовой русский социализм. За спиной отчаянных и готовых на все главарей стояли частью подхватываемые революционной стихией, а частью равнодушные и сопротивлявшиеся ей основные массы населе-

ния России — терпеливые русские христиане и крестьяне, вскормленные в общине. Их взгляды в определенной степени и выражали альтернативные конструкции русской идеи.

В фундаментальном труде «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937) Н. А. Бердяев с присущей ему убедительностью доказывает, что русский коммунизм коренится в русской идее, хотя она не аутентична ему. Последний проистекает из марксистского социализма, возникшего на европейской почве, и имеет, следовательно, и другие корни, помимо русской идеи. Он детище не только русской, но и европейской цивилизации, и оба начала находятся в нем в диалектическом противоречии. Этим можно объяснить и победу русской революции, и то, что через семьдесят с лишним лет ее идеалы были повержены другими, во многом противоположными. От социализма Россия качнулась в конце XX в. в сторону капитализма, и колесо истории покатило в обратном направлении.

А. И. Солженицын вслед за Г. В. Флоровским считал русскую революцию необратимой, несмотря на то что еще при жизни знаменитого писателя произошел контрреволюционный переворот, и социализм вновь сменился капитализмом. Но, как поется в песне, «осталась музыка», музыка революции, слушать которую призывал А. Блок и отзвуки которой доходят до нас до сих пор. 1917 г. перевернул судьбу России и оказал огромное влияние на весь мир. По Р. Роллану, русская революция — новый и еще более важный шаг вперед по сравнению с Великой французской революцией. Она знаменовала собой вторжение идей социализма в государственную жизнь.

Русская революция стала крупнейшим, кульминационным событием истории XX в., во многом предопределившим пути развития мировой цивилизации. Одни восприняли ее как праздник свободы, другие — как «гибель любви» (Булгаков, 1991: 295). Задолго до начала перестройки прозвучало эмигрантское пророчество: «Россия осуществила торжество исторического материализма и атеизма; но те закономерности, которые проявились на ходе ее революции, касаются далеко не ее одной. Культ первоначального экономического интереса и всяческой животной первоначальности обильным всходом пророс в сознании народов также и вне пределов России; также и вне пределов ее он не может являться основой длительного и благополучного общежития. Разрушительные силы, накапливающиеся в этих условиях, — рано или поздно одолеют и здесь силы социального созидания» (Савицкий, 1994: 227).

Для того чтобы разобраться в прошлой и нынешней реальности, придется вернуться к сути русской революции и русской идеи и их соотношению с иными идеологическими влияниями.

А. Н. ТОЛСТОЙ И В. И. ЛЕНИН О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. Н. Толстой и В. И. Ленин были свидетелями, а Владимир Ильич и активным участником первой русской революции. Их взгляды на революцию в некоторых существенных моментах оказались близки, но во многом и отличались, так что толстовскую концепцию непротivления злу насилием можно считать альтернативой русской революции. Важным для оценки влияния Толстого на русскую революцию являются следующие обстоятельства: 1) критика им социального насилия и развития капитализма в России; 2) поддержка крестьянского воззрения на землю и волю; 3) обличение церкви; 4) пропаганда ненасилия и нравственного самосовершенствования.

Обращаясь в самый разгар первой русской революции «к правительству, революционерам и народу», Толстой предостерегает правителей, что «им не устоять против

революции» и спасение их «не в думах с такими или иными выборами и никак не в пулеметах, пушках и казнях, а в том, чтобы признать свой грех пред народом и постараться искупить его, чем-нибудь загладить его», пока они во власти (Толстой, 1993: 126). Революционерам Лев Николаевич говорит, что их «борьба с правительством есть борьба двух паразитов на здоровом теле и что для народа одинаково вредны обе борющиеся стороны», ибо «для того, чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше» (там же: 127). Всему же стомиллионному земледельческому народу Толстой советует: «Из теперешних трудных обстоятельств для вас, русского рабочего народа, есть только один выход: отказ от повиновения какой бы то ни было насильнической власти, смиренное и кроткое перенесение насилий, но не участие в них» (там же: 129).

Такое заявление может показаться проповедью пассивности, но это не так. В статье «О революции» Лев Николаевич задает вопрос: «Не будет ли такой отказ от внешней деятельности признаком слабости, трусости, эгоизма?» И отвечает на него: «Пусть только каждый человек, желающий служить общему благу людей, попробует жить, не прибегая ни в каком случае к ограждению своей личности или своей собственности насилием... и человек этот на собственном опыте узнает, как много нужно истинного мужества и самопожертвования для такой деятельности» (Толстой, 1994а: 87).

Эти мысли Толстой неоднократно повторяет после своего, как он его назвал, «духовного рождения». *Суть толстовской ненасильственной альтернативы — в призыве к правителям и революционерам отказаться от насилия, а народу не стремиться к ведущей к соучастию в насилии власти, а вместо этого нравственно самосовершенствоваться.* Совет терпеть, не прибегая к ответному насилию, соответствует главной, по концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, черте русской цивилизации — терпимости. Поэтому толстовская концепция не стоит особняком в русской культуре, а находится в ее внутреннем духовном ядре.

Ставя перед русским народом задачи, вытекающие из особенностей русской цивилизации, Толстой пишет в статье «О значении русской революции» (1906), что люди должны освободиться от греха власти и установить единение, основанное «на взаимном согласии и уважении и на любви человека к человеку» (Толстой, 1994b: 126). Писатель призывал к тому, чего хотело и большинство крестьян, которые не стремились идти во власть, предпочитая заниматься мирным трудом. В этом же убедились и большевики после захвата власти. Общинный крестьянин считает власть несчастьем. По словам Толстого, царь брал на себя грех власти и тем избавлял от него народ.

Главное значение русской революции писатель видит в прекращении шествия по ложному пути Запада и возвращении на путь единения и любви. Формулируя так значение русской революции, Толстой вплотную подходит к концепции русского социализма Ф. М. Достоевского как братского единения всех людей во Христе.

Толстовская критика социальной ситуации в России во второй половине XIX в. была наиболее сильной и яркой, что дало основание В. И. Ленину назвать писателя «зеркалом русской революции». Достаточно привести, например, такую фразу Льва Николаевича: «Собрались злодеи, ограбившие народ, наняли солдат, чтобы охранять их оргии, и — пируют». (Чуть ранее А. И. Герцен писал про «пирующее» государство в европейских странах, см.: Герцен, 2010: 622).

Толстой был не просто зеркалом, отражающим определенные эмпирические факты отечественной действительности. Он одновременно и объяснял эти факты на осно-

ве собственной концепции, которая по своей глубине вполне может быть поставлена рядом с работами К. Маркса, В. Парето и М. Вебера. Оценивая современную ему ситуацию, Лев Николаевич писал, что в обществе существуют два класса, которые он назвал *насилующим* и *насилуемым*. Представители правящего класса, имея много денег и собственности, заставляют работать на себя, применяя три различных способа насилия: 1) личное, 2) захват земли и производимого продукта, 3) денежное. Эти способы не сменяют друг друга в истории, как по схеме К. Маркса феодальное общество сменяет рабовладельческое и само заменяется капиталистическим, а сосуществуют.

В «насилующий класс» Толстой включал не только господствующую элиту в данной общественно-экономической формации, например буржуазную в капиталистической стране, а всю совокупность эксплуататорских слоев данного общества, которые объединялись по признаку применения насилия по отношению к насилуемому классу. Этим Толстой отличался от марксистов, в том числе и Ленина, который, воюя в конце XIX в. с народниками, считал, что грядущая революция должна уничтожить в России феодальные пережитки и открыть дорогу беспрепятственному развитию капитализма.

Первая русская революция заставила Ленина изменить свою точку зрения в данном вопросе. Владимир Ильич признал, что революция 1905–1907 гг. была не только антифеодальной, но и антикапиталистической и в существующих в мире условиях может перерасти в социалистическую. Именно в этом смысле солидаризируясь с Толстым в оценке революции как антикапиталистической, будущий «вождь пролетариата» и назвал писателя «зеркалом русской революции». В «Апрельских тезисах» 1917 г. он требует ее превращения в социалистическую, т. е. переходит на платформу народников, которых он ранее критиковал.

В истории России предполагалось несколько вариантов действий по кардинальному улучшению сложившейся ситуации. В работе «Что делать?» Ленин поставил задачу победить капитализм посредством захвата власти, основываясь на марксистских представлениях о первичности материальных ценностей, на которых держался и капитализм. В романе «Что делать?» Н. Г. Чернышевский предложил создать «новых людей», заботящихся об общем благе. Но основывался он на представлении о первичности эгоистических устремлений человека. Толстой же считал, что изменение людей и общества в целом возможно только посредством коренного изменения системы господствующих ценностей.

Писатель был противником капитализма как «скованного капиталом, конкуренцией и нуждой общества» (Толстой, 1997а: 144). В то же время он предвидел, что отмена частной собственности, предлагаемая социалистами, приведет к прямому принуждению к работе, т. е. к первоначальной форме рабства. «Граф за сохой» предлагал трудиться с утра до вечера, хотя, по его мнению, это не делает людей автоматически разумнее и добрее. Толстой называл утвердившееся в Западной Европе и выражающее фаустовскую душу западной культуры мнение, что труд есть нечто вроде добродетели, удивительным (Толстой, 2000: 110).

Никакая власть, при которой есть насилие, не могла удовлетворить писателя. Он считал, что в среде русского народа всегда господствовали ненасильственные формы коллективной жизни, и они должны быть сохранены. Лев Николаевич был против политики разрушения сельской общины, проводимой премьер-министром царского правительства П. А. Столыпиным, полагая, что надо поощрять принцип общинного

землевладения, а не разрушать его. По Толстому, все, что нравственно, то социально полезно.

Обличение социальных зол привело к тому, что писателя называли не только «зеркалом», но и «идейным виновником» русской революции, хотя он был против революции как насилия. Выступая против всех форм социальной эксплуатации, Толстой отвергал и революционный способ переустройства общества. Он считал, что это само по себе будет злом и изменит лишь формы эксплуатации да состав «насилюющего класса». Подлинное преодоление эксплуатации придет в результате подъема уровня нравственности всех слоев общества, возможного не насильственным путем, а посредством приобщения к настоящей культуре. Об этом он писал в своей последней работе «Действительное средство», считая таковым культуру. Тем самым Лев Николаевич повторил то, что говорили все великие нравственные учителя человечества. Соглашаясь с Толстым, С. А. Франк писал, что «нарастание добра не есть механический результат истребления зла и тем менее — истребления злых людей, а плод органического внутреннего взращивания самого добра в себе и других» (Франк, 1994а: 198). Лев Николаевич признавал лишь революцию духа и был убежден в бесполезности политической революции, хотя и понимал ее правоту. Он призывал революцию, но не ту, которая произошла, — не насильственную, атеистическую и материалистическую. И его революция предполагала предварительное повышение нравственного уровня трудящихся.

Толстой, как и Маркс, сравнивал революции с родами и полагал, что они «пробуждают духовное сознание <...> как от полового невоздержания родятся дети <...> так и из революции, всего того зла, которое мы видим, может быть, выйдет что-нибудь хорошее» (Маковицкий, 1996: 146, 173). Относительно возможности революции в России взгляды Толстого менялись. В дневнике 6 июля 1881 г. Лев Николаевич записал: «...революция экономическая не то, что может быть. А не может не быть. Удивительно, что ее нет» (Толстой, 1984а: 301), а через 17 лет в работе «Где выход?» утверждал: «В наше же время революции и свержение правительств прямо невозможны» (Толстой, 1997b: 174). Уж очень хотелось писателю, чтобы именно нравственное совершенствование было единственным способом социального прогресса!

К сходным с Толстым выводам пришел и его во многом антипод А. И. Герцен, по мнению которого социализм должен утверждаться ненасильственно, условием чего служит «огромный внутренний труд и огромный нравственный подвиг» (Герцен, 2010: 630). Александр Иванович предупреждал, что «"красный призрак" долго не превратится в красную действительность», потому что «нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри» и «...не душить одни стихии в пользу других следует грядущему перевороту, а уметь все согласовать — к общему благу» (там же: 622, 708, 697).

Толстой был не одинок в своих взглядах, да это и не могло быть иначе, потому что он сам был представителем крестьянского народа. Впитав многое от своих предшественников — Радищева, Гоголя и других, он чувствовал за своей спиной писателей-разночинцев и крестьянских писателей. В условиях отсутствия представительских учреждений в России защита частью образованных классов интересов народа стала традицией. Во второй половине XIX в. в этом плане можно отметить течение «хождение в народ» и т. п. В этом направлении шла и деятельность Толстого, который был против как частной собственности на землю («земля ничья, она Божья»), так и национализации земли (потому что был против государства).

В «Конце века» (1905) Толстой рисует будущее безгосударственное устройство, основанное на общинном землепользовании, артельном принципе в промышленности и мировом (от мира как социальной ячейки общества) правопорядке при главенстве истинной христианской веры. Обеспечить это должны истинная наука, философия, искусство — культура в целом. Картина будущего идеального общества, нарисованная Толстым, напоминает ту, которую изобразил Достоевский в «Сне смешного человека», что не удивительно в силу общих сущностных черт представителей русской культуры. Все несчастья современной жизни, в том числе разделение людей на богатых и бедных, есть результат того, что между людьми нет любви, — так объяснял своей дочери Толстой главную причину социальной несправедливости.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ

О главных акцентах первых двух этапов революции 1917 г. Г. В. Адамович писал: «Русская революция вначале сделала ударение на свободе. <...> Но Октябрь, на словах от свободы не отрекшийся, совершился во имя равенства. <...> Равенство можно было бы только навязать силой, и стремление к нему неизбежно ведет к контролю над поступками, действиями, а затем и над мыслями каждого отдельного человека» (Адамович, 1994: 495). Как же так получилось, что за несколько месяцев сменился акцент со свободы на равенство? Вернемся к реальности революции 1917 г. Самодержавная государственность рухнула в феврале, а решение земельной проблемы новой властью было отложено до созыва Учредительного собрания, открытие которого несколько раз откладывалось. И народ в условиях вакуума власти стал брать землю своими руками.

С февраля по октябрь 1917 г. стихийно происходил в широких масштабах захват помещичьих и «отрубных» (взятых ранее из общин в личное пользование) земель. На промышленных предприятиях создавались фабзавкомы, которые вводили рабочий контроль на производстве и брали в свои руки управление заводами и фабриками в соответствии с традиционными артельными правилами. Самоуправление реализовывалось и в деятельности Советов. Советы — это попытка снизу организовать общественное устройство, напоминающее общинную демократию (за нее выступали крестьяне, составлявшие 85% населения). Советы и силы, стоящие за ними, выражали антизападные, антибуржуазные политические ценности: нераздельность законодательных, исполнительных и контрольных функций власти; выборность всех властных органов; корпоративно-общинное представительство; коллегиальное принятие решений; делегирование полномочий от низших органов власти к высшим и т. д. Будучи формой политической организации, соответствующей традиции общинно-артельного самоуправления, Советы предстали новым типом государственности, который можно назвать соборным, если учитывать, что при материальной реализации идеальность учения о соборности, как и всякого учения, неизбежно терпит ущерб.

Большевики и Ленин, выступавший порой против большинства руководства своей же партии, поддержали стихийное движение масс и не вступали, как, скажем, эсеры в коалицию с другими, в том числе буржуазными, партиями. В результате на политическом уровне третьей силы они уверенно потеснили эсеров, которые были «наиболее «самобытной» и наиболее русской партией по идеологии» в 1917 г. (Анин, 1991: 78). Их численность доходила до 1 млн человек — огромный перевес над другими партиями. Но эсеры (тоже по-русски) не стремились к власти, а взяли курс на сотрудничество с буржуазией. У них была, как замечает Д. С. Анин, «боязнь власти» (там же: 79) и их лозунги перехватили стремящиеся к власти большевики.

Объясняя причины поражения эсеров в борьбе с большевиками, Анин пишет: «Руководство партии эсеров состояло из честных идеалистов, но государственно непрактичных людей; в противовес большевикам, она была бедна энергичными вождями, вернее ей не хватало вождя, знавшего, что он хочет, и умеющего превращать чаемое в сущее» (там же: 90). Большевикам удалось предложить рабочим, крестьянам и солдатам простые и понятные лозунги, отвечающие их насущным интересам, — «Мир народам!», «Вся власть Советам!», «Земля крестьянам!», «Фабрики рабочим!» — и тем самым в решающий момент вовлечь их в орбиту своих политических действий. Это привело к резкому увеличению влияния большевиков в народной среде. Численный состав ленинской «партии нового типа» возрос с февраля по октябрь 1917 г. примерно в 15 раз, и в сентябре 1917 г. она захватила лидерство в Советах. Тем самым ей удалось добиться поддержки широких (прежде всего крестьянских) масс, что предопределило ее успех.

Обычно главным событием Октября считается «штурм» Зимнего (это слово можно поставить в кавычки, потому что настоящего боя не было). Недостаточно оценивается тот факт, что большевики несколько месяцев неуклонно шли к завоеванию большинства в Советах. Перед Октябрьским переворотом, который практически не встретил никакого сопротивления, число сторонников большевиков в Петербурге составило несколько тысяч солдат Петроградского гарнизона, кронштадтских моряков и рабочей Красной гвардии, а также несколько сотен человек из заводских комитетов. После захвата Зимнего большевики сразу дали (точнее — пообещали) народу то, что не торопились осуществить вожди Февральской революции. На Всероссийском съезде Советов 25 октября 1917 г. были приняты первые декреты советской власти. В «Декрете о мире» всем воюющим сторонам предлагалось немедленно приступить к переговорам о заключении мира без аннексий и контрибуций. В «Декрете о земле» большевики, приняв эсеровскую программу, провозгласили упразднение частных земельных владений без возмещения убытков бывшим собственникам и передачу всей земли в распоряжение местных комитетов с целью их дальнейшего распределения среди работников. В результате в ноябре 1917 г. выборы в Учредительное собрание дали кадетам с союзниками 17% голосов, эсерам — 55%, большевикам — 24%. Другими словами, народ не захотел идти по пути западного, буржуазно-демократического развития.

Действия большевиков совпали с устремлениями большинства населения. Слились в один поток два события: тщательно подготовленное большевиками вооруженное восстание, с одной стороны, и широкомасштабная крестьянская война, борьба рабочих за свои права, глубокое моральное разложение армии, движение за национальную независимость некоренных народов — с другой. Большевизм синтезировал европейский социализм со стихией традиционных цивилизационных представлений русского народа.

Упрочив свое господство после разгона Учредительного собрания, большевики перешли к реквизициям «военного коммунизма», отнимая у получивших землю крестьян продукты их труда; в промышленности ввели единоначалие и государственный капитализм; Советы превратили в подпорку своей партии. С этих пор их власть могла быть защищена только силой, и страна погрузилась в кровавую Гражданскую войну. Если в 1917 г. счет погибших шел на сотни, то в годы Гражданской войны — на миллионы.

Русская революция стала способом противодействия насилующему классу посредством революционного насилия. В этом ее внутреннее противоречие, которое

привело к тому, что последовало дальше. Франк в книге «Крушение кумиров» пишет, что после русской революции вера в нее сменилась крушением «кумира революции». Именно из-за революционного насилия «кумир революции» «потерял свою власть над душами, изблещен как мертвый истукан. Живые души в ужасе и омерзении оступились от него» (Франк, 1994а: 142). Ложна, добавляет Семен Людвигович, идолопоклонническая вера в революцию. «Все ужасное, бушующее пламя революции разгорелось от огня, благоговейно хранимого в душах в течение более полувека. <...> Ибо сколь бы порочных и своекорыстных вождельний ни соучаствовало в русской революции — как во всякой революции, — ее сила, ее упорство, ее демоническое могущество и непобедимость объяснимы только из той пламенной веры, во имя которой тысячи людей, "красноармейцев" и рабочих, шли на смерть, защищая свою святыню — "революцию"» (там же: 141). Особенно ценно то, что это пишет враг революции, который считает нужным различать два основания революции — «пламенную веру» и «порочные и своекорыстные интересы», что присуще всем насильственным переворотам. Первая ведет к лучшему будущему, вторая — тянет в мрачное прошлое. Оценивая французскую революцию, Толстой записал в своем дневнике 20 августа 1904 г., что «ошибка была только в том, что провозглашенные принципы предполагалось осуществлять... насилем» (Толстой, 1984b: 182). «...Насилие превратило истину в ложь», — комментирует Толстого Г. В. Адамович (Адамович, 1994: 492), имея в виду уже русскую революцию. Сатанинское превращение добра во зло было присуще и «красным», и «белым». «Белое дело погибло. Начатое "почти святым", оно попало в руки "почти бандитов"» (Шульгин, 1989: 292). Народ «еще не созрел для социализма или для революции вообще» (Франк, 1994а: 143). «Пламенная вера» оказалась слишком слаба для идеального переустройства мира. Жизнь изблещила не ложность социализма, а опрометчивость попыток насильственного переустройства общества.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ИТОГИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н. Я. Данилевский с присущим ему систематизаторским талантом ученого четко сформулировал цивилизационную причину русской революции, заключающуюся в противоречии между проникшей в Россию западной и исконной русской культурой. Правда, исходя из того, что терпимость составляет главную черту русской цивилизации, Николай Яковлевич полагал, что следующая из этого и из общинного землевладения устойчивость государственного устройства делает революцию в России вообще невозможной (Данилевский, 1991). Такой вывод следовал из желания русского ученого видеть все изменения в типах цивилизации исходящими из ее основ, т. е. в случае русской цивилизации имеющими ненасильственный характер, но русская революция оказалась «смесью французского с нижегородским». Николай Яковлевич не учел, что терпимость имеет предел, а причиной революции может стать псевдоморфоз, о котором сам же писал. Но он прав в том, что русская революция в корне отлична от западных.

Сравнение русской революции с буржуазными революциями в европейских странах, например с революциями в Англии и Франции, показало много общего, но это выражалось скорее в характере и этапах протекания, а не в сути. Сущностные различия связаны не только с тем, что русская революция произошла через век с лишним после французской, но и с тем, что она случилась в другой цивилизации с иными фундаментальными особенностями именно русской цивилизации (а как подчеркивал Данилевский, все изменения в ней должны происходить в русском духе). В соответствии

с взглядами русского ученого нужно было 1) следовать особенностям русской цивилизации и русского национального характера и 2) бороться с влиянием на Россию извне и не допускать ее разрушения. Николай Яковлевич жаждал осуществления целей именно русской цивилизации, что не вполне получилось, но зато он объяснил цивилизационную специфику русской революции.

Псевдоморфоз ведет к двум следствиям: или к претерпеванию его, доходящему до самоотречения, или к противостоянию ему, доходящему до насильственной революции. Первое мы увидели в контрреволюционной перестройке и разрушении СССР, второе — в революции 1917 г., которая предстала событием, невозможным на Западе. Она была вызвана не столько противоречием между трудом и капиталом и пережитками феодализма, сколько несоответствием капитализма сущностным чертам русской цивилизации и цивилизационным разрывом между крестьянами и помещиками. Как заметил С. А. Франк, она есть следствие процесса, который «в России начался с реформ Петра» (Франк, 1994b: 32), после которых «история надолго развела верхи и низы в разные стороны и помешала их непрерывному взаимодействию» (Милюков, 1994: 125). Национальный путь России, вторит Г. П. Федотов, «трагически оборвался более двух веков тому назад, и с тех пор величайшие усилия ее гениев в том, чтобы обрести потерянную духовную родину» (Федотов, 1990b: 448).

Неизбывная слабость русской государственности коренилась, по Г. В. Флоровскому, в том, что правительственная программа императорской России неизменно оставалась «в существе своем не национальной» (Флоровский, 1994: 109), и в соответствии с ней элита общества объединялась «тоже только общим культурно-бытовым обликом — преданностью "все той же отвлеченной мысли европеизма"» (там же). «Завязка русской трагедии сосредоточена именно в факте культурного расщепления народа» (там же: 110), точнее — расщепления населения на власть и безвластную массу, на «интеллигенцию» и «народ». В результате получались люди с «децентрализованным сознанием». «Европеизация оказалась равнозначной денационализации» (там же: 111) вместо творческого синтеза различных культур. Для характеристики ситуации Флоровский использует слова «раковина» и «скорлупа». Причина русской революции для Георгия Васильевича — расщепленное сознание и ее неизбежность определялась необходимостью «преодолеть основное отчуждение правящего класса от массы населения» (там же: 110). Это иное отчуждение, чем то, о котором говорил К. Маркс.

Русская революция — это восстание «земли» против чуждых представителей других цивилизаций, мечь «немцам» во власти и бюрократии, о которых писал Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские». Эту борьбу подогревали большевики, которые пели про мундир французский и погон японский у Колчака. Это была не столько классовая, сколько цивилизационная ненависть. По мнению евразийцев, «коммунистический шабаш наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода "европеизации"» (Савицкий, 1994: 226) коммунизмом как идеологическим вариантом европейских «новых веков», доведенным до логически завершенного вида.

Раскрывая культурно-цивилизационную причину русской революции, С. А. Франк писал, что русская революция есть восстание крестьянства: «...классовая рознь подкреплялась еще гораздо более глубоким чувством культурно-бытовой отчужденности. Для русского мужика барин был не только "эксплуататором", что, быть может, гораздо важнее — "барин", со всей его культурой и жизненными навыками, вплоть до

платья и внешнего обличья, был существом чуждым, непонятным и потому внутренне неоправданным» (Франк, 1994b: 18). Относительно устойчивости государственного устройства Семен Людвигович добавлял: «Эта отчужденность между верхами и низами русского общества была так велика, что удивительна, собственно, не шаткость государственности, основанной на таком обществе, а, напротив, ее устойчивость» (там же). Терпимость как основная черта русской цивилизации придавала государству устойчивость лишь до поры до времени.

И. А. Ильин видит причину русской революции в том, что «...полунинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола как в бога и поработила многоплеменную российскую массу — сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти» (Ильин, 1994: 295; здесь и далее курсив источника. — А. Г.). Уже после совершения нового псевдоморфоза Иван Александрович взывает: «Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен "вернуться к себе", к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен понять, принять и выговорить свою русскую Идею с тем, чтобы затем осуществить ее во всем — в религии и в науке, в правде и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании» (там же: 296). Ильин пишет: «...советский коммунизм имеет европейское происхождение <...>. Ибо он готовился в Европе столет в качестве социальной реакции на мировой капитализм» (там же: 287). Добавим, что в России он стал и цивилизационной реакцией на мировой капитализм. Яркий деятель «белого движения» Ильин называет русскую революцию разрушительным безумием и величайшей катастрофой в истории всего человечества и особо подчеркивает ее псевдоморфный характер. Он утверждает: «...болезнь, ныне изводящая Россию, именно: *воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, — весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение*» (там же: 294).

Вторит Ильину И. А. Солоневич: «Весь европейский социализм пронизан ненавистью к крестьянству — и наш тоже. Маркс поносил крестьянство самыми нехорошими словами — идиотизм, кретинизм, варварство и прочее. Этот набор научных терминов унаследовали и наши социалисты. <...> Весь наш современный русский социализм списали, в сущности, с немецкого — в основе его лежит философия Гегеля, экономика Маркса и Энгельса, стратегия Клаузевица» (Солоневич, 1994: 304).

Этот вывод противоречит мнению, что «русская революция из русской истории выросла, а не из абстрактной истории капитализма» (Флоровский, 1994: 97). Иными словами, такой революции в Европе не может быть. «Русская революция прежде всего *русская* — по происхождению своему и смыслу, по своему объективному содержанию; и то, что в ней скрывается, есть русская правда, правда о России» (там же: 115).

Различие между подходами Ильина и Флоровского определяется тем, что первый представлял русскую революцию продуктом псевдоморфоза, а второй определял ее содержание борьбой против псевдоморфоза. Имело место и то, и другое, что проступает и в характеристике Ленина как «нелепого марксистского негатива национально-религиозной России» (Степун, 1994: 292), в котором слились «воедино древняя тема русской религиозности с современной темой западноевропейского атеизма» (там же). А Г. Н. Федотов называет революционный марксизм «иудео-христианской апокалиптической сектой» (Федотов, 1990a: 436).

Исходя из концепции Данилевского, в России существовало цивилизационное противоречие между русским и западными мирами, одним из аспектов которого было противоречие между западным капитализмом и русской общиной. Двухступенчатость русской революции объясняется тем, что Февраль не решал ни одной из задач, стоящих перед русской цивилизацией. Их решил Октябрь частично по-европейски, а частично — по-русски.

С цивилизационной точки зрения русская революция была способом преодоления петровского псевдоморфоза, но привела к новой его форме — псевдоморфоза социалистического, который был европейским социализмом по концепции (марксизм), целям (мировая революция), задачам (государственный капитализм в промышленности и притеснение крестьянства). Но под его оболочкой жил русский социализм, воплотившийся в социальных преобразованиях (коллективизация крестьянства, ликвидация безработицы, бесплатная медицина и образование, разрушение мировой колониальной системы и т. д.). В результате получилась «смесь разнородных элементов» (Герцен, 2010: 678), из которой постепенно выхолащивалась европейская форма и все ярче проступала русская суть.

Концепция культурно-исторических типов является обобщенной по отношению к различным сторонам жизни. В социально-политическом плане ее продолжением служит логически из нее вытекающая идея русского социализма Ф. М. Достоевского. Для Федора Михайловича русский социализм был высшей и конечной целью. Для большевиков социализм — первая фаза коммунизма, за которой шло материальное изобилие. Для Достоевского же не материальное благосостояние, а братство всех людей во Христе было главной целью.

Каждой цивилизации ближе своя общественно-экономическая формация: для Запада — капитализм, для России — социализм. У обеих формаций свои особенности в каждой цивилизации. Взаимосвязь концепций Данилевского и Достоевского заключается в том, что, с одной стороны, из понятия русской идеи следует понятие русской цивилизации как особого культурно-исторического типа, а с другой стороны — из концепции культурно-исторических типов следует представление о русском социализме.

Каждая общественно-экономическая формация может быть подвержена давлению со стороны другой цивилизации и попятному движению. Можно предсказать практически бесконечное колебание маятника преобразований капитализма в социализм, и наоборот. Н. А. Бердяев предполагал, что социализм в России может снова трансформироваться в капитализм, что и произошло в 1991 г. Концепция культурно-исторических типов Данилевского заставляет анализировать русскую революцию с позиции не только формационного, но и цивилизационного подхода, помогая выявить ее специфику и судьбу. В чем-то результаты цивилизационного подхода будут отличаться от результатов формационного подхода, но в чем-то будут их дополнять. В целом это позволяет создать более объемную картину русской революции.

Формационно-цивилизационная двойственность русской революции привела к тому, что ее победа изменила ситуацию в стране и в формационном (смена капиталистической общественно-экономической формации социалистической), и в цивилизационном смысле (смена первой, православной, модификации русской идеи второй, советской). Цивилизационные изменения произошли в области государственности, промышленного и сельскохозяйственного производства, идеологии, быта. В дорево-

люционный типе государственности главную роль играла самодержавная власть, а на низшем уровне это дополнялось общинным самоуправлением. В новом, постреволюционном, типе государственности роль, аналогичную царскому режиму, выполняла большевистская партия, а дополнялась она аналогичной общинному самоуправлению властью Советов на всех уровнях от центрального до местного. В сельском хозяйстве до революции главную производительную функцию выполняли крестьянские общины и помещичьи хозяйства, а в постреволюционное время им на смену пришли колхозы и совхозы. В промышленности до революции господствовали частные капиталистические предприятия, среди которых важную роль играли построенные на артельном принципе, а в постреволюционное время — госкапиталистические предприятия, в функционировании которых участвовали профсоюзы, частично перенявшие артельные принципы.

Но самые кардинальные изменения произошли в идеологической сфере. В дореволюционной жизни определяющую идеологическую роль играло православие. В постреволюционное время его место заняла социалистическая идеология. Данные изменения в экономической, политической и идеологической сфере и обозначили суть второй модификации русской идеи, вызванной русской революцией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сто лет назад в России накопились глубинные противоречия, которые не были мирно разрешены тогдашней элитой общества. Противоречия обострились как внутри капиталистического общества, так и между бурно развивающимся капитализмом и воспитанной в общине огромной крестьянской массой, которая не осталась безучастной и была вовлечена в революционное пламя. Реформа Столыпина подлила масла в огонь. Русская революция, европейская по форме, подпитывалась стихиями русской души, ее стремлением к справедливости и солидарности. Можно сказать, что эти качества использовались вождями для того, чтобы поднять на борьбу народные массы.

Большевики уловили глубинные народные желания мирной общинно-артельной жизни и, придя к власти, сразу же пообещали мир народам, власть советам, землю крестьянам, фабрики рабочим, но не отдали захваченную ими власть и право распоряжаться землей и средствами производства народу, тем самым настроив против себя не только бывшие правящие классы, которые они уничтожали, но и широкие массы населения, которые терпели своих новых правителей, поскольку и насколько те выполняли их нечетко артикулированные стихийные требования. И чем дальше шел процесс перерождения элиты, обуреваемой жаждой власти и собственности, тем сильнее рос подспудный протест населения и назревала, как назревает и ныне, революционная ситуация «в умах и сердцах» (С. Н. Булгаков).

Отметим такие уроки русской революции 1917 г.: 1) захват власти и уничтожение прежней элиты не обеспечивают окончательной победы социализма, так как возможно перерождение возникшей новой элиты; 2) для построения социализма и удержания социалистических преобразований необходим достаточно высокий уровень нравственного развития общества; 3) построенный социализм должен соответствовать особенностям данной цивилизации и национальному менталитету и характеру ее представителей.

Данные выводы служат материалом для дальнейших дискуссий, посвященных событиям, которые изменили ход русской и мировой истории. Русская револю-

ция имела положительные и отрицательные последствия: победу СССР в Великой Отечественной войне, превращение России в сверхдержаву, ликвидацию мировой колониальной системы, начало освоения космоса — и в то же время: Гражданскую войну, массовые репрессии, установление тоталитарного режима. Такое разнообразие следствий проистекает из ее гремучей «смеси французского с нижегородским».

История России учит, что народ не может полностью доверять ни монарху, ни генсеку, ни президенту, ни элите. Надо осуществлять всемирно-историческую миссию России, но без впадения в самоуничужение и самоотречение. За отказом от марксизма и атеистического тоталитарного социализма не обязательно должны следовать разрушение государства и «дикий» капитализм, как не обязательно было разрушать Российскую империю в 1917 г. Надо собрать все лучшее, что было в истории России и СССР и что соответствовало русской идее, и строить на ее основе новую Россию, духовно преодолев последствия псевдоморфозов. Великие идеи русской философии — соборного труда, русского социализма, ненасильственного мира — должны вдохновлять нас на нашем пути в будущее.

В канун XX столетия существовала вера в революцию, которая частично оправдалась, но в итоге привела к разочарованию и контрреволюционной перестройке с разрушением государства. «Кумир "революции" и кумир "политики вообще" рухнули в нашей душе преимущественно под впечатлением опыта русской революции» (Франк, 1994а: 152). Под влиянием опыта «перестройки» 1986–1991 гг. умер и «кумир контрреволюции». Под впечатлением действий Запада разрушился и «кумир культуры». Мы хотели прекращения «холодной войны» и вхождения в мировое сообщество, а НАТО в это время окружало Россию по периметру ее границы системами ПРО, так что пришлось укреплять оборону и вступать в борьбу с возвращенным Западом терроризмом. Как современно звучат слова С. Франка почти вековой давности: «...мы мечтали, что Россия скоро войдет как равноправный член в мирную, духовно и материально благоустроенную семью культурных народов Европы. Варварская эпоха смут, международных и гражданских войн, нищеты и бесправия, казалось, во всяком случае, отошедшей в безвозвратное прошлое <...>. ... что правда и справедливость в международных отношениях — пустые слова... беспощадная эксплуатация слабых есть нормальное, естественное состояние европейской международной жизни...» (там же: 153, 154).

Франк отметил такую черту нашей постреволюционной жизни, как неверие в идеалы, в «моральный категорический императив», и это, разрастаясь, достигло сейчас огромных масштабов, став знаменем эпохи. Мы живем в смутное время глобального хаоса, который из отдельных регионов планеты расплзается по всему свету, превращая прежде благоустроенные земли в очаги разрушения. Свидетельством тому служат новые слова — постистина, постсправедливость, постблагополучие в условиях глобальной гибридной войны.

В мире имеет место эпидемия неверия, тогда как в пост- и предреволюционную эпоху нужна вера в новый глобальный проект. В реализации его неоценима помощь мыслителей, создавших альтернативы русской революции. «...если новая вера еще не найдена, то падение старой само уже есть признак страстного ее искания, мучительного томления по ней» (там же: 184). Нам помогают в «мучениях духовного голода» близкие люди и родина, которую мы любим той «всепрощающей любовью, для которой "не по хорошу мил, а по милу хорош"» (там же: 185).

Как и французская, русская революция вдохновлялась идеалами свободы, равенства и братства, которые оказались недостижимы из-за недостатков человеческой природы и сознания, что не уменьшает значения первой социалистической революции столетней давности. Неудачная попытка не означает, что отныне надо навеки замкнуться в скорлупе эгоизма и мещанства, а не стремиться к невозможному, чтобы достичь того, что возможно и желательно. Сейчас время «снова собирать камни». «Мы должны искать мужества и веры в себе самих. <...> В глубине своего собственного духа найти себе абсолютную опору... нужно искать путеводной звезды в каких-то духовных небесах и идти к ней...» (там же: 162).

У нас своя особая цивилизация, свой путь в будущее. «Всемирная отзывчивость», о которой писал Достоевский, может вести к гибельному псевдоморфозу русской культуры, но может при наличии веры и воли вести к плодотворному синтезу русской культуры с другими цивилизациями, в том числе западной, к превращению псевдоморфоза (используя еще один геологический термин) в метаморфоз. Отмеченная многими исследователями широта русского национального характера определяет особые культурные возможности, связанные с синтезом. Культура в целом продукт синтеза, и чем выше синтетические возможности, тем больших высот может достичь культура. Русские — народ не европейский и не азиатский, но он синтезирует в своей культуре оба эти элемента. *Широта как свойство национального характера переходит в культуру в синтез.*

Находя основы синтетического характера в языке, В. В. Кожин писал: «...и невозможно переоценить тот факт, что по-русски все столь многочисленные народы Евразии — от молдаван до чукчей — называются именами *существительными*, и только одни русские — именем *прилагательным*... Смысл этого — даже, согласитесь, странноватого — исключения можно, в частности, определить так: оно подразумевает, что русские являют собою своего рода связь, объединяющее начало многочисленных и многообразных народов Евразии» (Кожин, 2002: 500). Объединяющий потенциал русской нации, «сверхнации», как называет ее В. В. Кожин, очень большой, и от реализации его в культуре во многом зависит будущее России и мира.

Снова надо идти к тому, что не удалось прежде; идти осторожнее и осмотрительнее, преодолевая нравственную неготовность населения и несоответствие идеалам своей культуры. Причиной глубокого духовного кризиса русской цивилизации Франк считал русскую революцию. Сейчас к этой причине присоединилась и русская контрреволюция, что еще более его обострило. «Можно надеяться, что этот кризис приведет к новому подъему русской социальной философии и рассмотренное нами своеобразие русского мировоззрения обретет свою полную философскую законченность и значимость» (Франк, 1995: 725). Надеждой на это хотелось бы закончить данную статью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адамович, Г. В. (1994) Комментарии // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. М. : Искусство. Т. 1. 539 с. С. 428–507.

Анин, Д. С. (1991) Революция и ее историография (Введение) // Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей / сост. Д. С. Анин. М. : Современник. 381 с. С. 7–96.

Булгаков, С. Н. (1991) Христианский социализм. Новосибирск : Наука. Сибирское отделение. 350 с.

Герцен, А. И. (2010) Избранные труды / сост. В. К. Кантор. М. : Российская политическая энциклопедия. 776 с.

Данилевский, Н. Я. (1991) Россия и Европа. М. : Книга. 574 с.

Зензинов, В. М. (1991) Февральские дни // Октябрьский переворот: Революция 1917 года глазами ее руководителей / сост. Д. С. Анин. М. : Современник. 381 с. С. 105–116.

Ильин, И. А. (1994) Русская революция была катастрофой // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 2. 684 с. С. 286–297.

Кожин, В. В. (2002) Победы и беды России. М. : ЭКСМО-Пресс. 512 с.

Маковицкий, Д. П. (1996) Яснополянские записки // Толстовский листок. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 8. С. 25–229.

Милюков, П. Н. (1994) Почему русская революция была неизбежна? // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 2. 684 с. С. 119–128.

Савицкий, П. Н. (1994) Евразийство // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов. М. : Искусство. Т. 1. 539 с. С. 215–233.

Солоневич, И. А. (1994) Дух народа // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 2. 684 с. С. 297–340.

Степун, Ф. А. (1994) Мысли о России // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 1. 539 с. С. 233–293.

Толстой, Л. Н. (1984а) Собрание сочинений : в 22 тт. М. : Художественная литература. Т. 21. 622 с.

Толстой, Л. Н. (1984б) Собрание сочинений : в 22 тт. М. : Художественная литература. Т. 22. 588 с.

Толстой, Л. Н. (1993) Обращение к русским людям. К правительству, революционерам и народу // Толстовский листок. М. : Мамонтовский дом ; Музей русской народной живописи. Вып. 3. С. 126–129.

Толстой, Л. Н. (1994а) О революции // Толстовский листок. М. : Мамонтовский дом ; Музей русской народной живописи. Вып. 5. С. 86–87.

Толстой, Л. Н. (1994б) О значении русской революции // Толстовский листок. М. : Мамонтовский дом ; Музей русской народной живописи. Вып. 5. С. 111–128.

Толстой, Л. Н. (1997а) Рабство нашего времени // Толстовский листок. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 10. С. 135–164.

Толстой, Л. Н. (1997б) Где выход? // Толстовский листок. М. ; СПб. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 10. С. 171–176.

Толстой, Л. Н. (2000) Неделание // Толстовский листок. М. : Фонд «За выживание и развитие человечества». Вып. 11. С. 103–118.

Федотов, Г. П. (1990а) Трагедия интеллигенции // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / отв. ред. Е. М. Чехарин. М. : Наука. 528 с. С. 403–443.

Федотов, Г. П. (1990б) Национальное и вселенское // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / отв. ред. Е. М. Чехарин. М. : Наука. 528 с. С. 444–449.

Флоровский Г. В. (1994) О патриотизме праведном и греховном // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 1. 539 с. С. 85–124.

Франк, С. А. (1994а) Крушение кумиров // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. М. : Искусство. Т. 1. 539 с. С. 133–202.

Франк, С. А. (1994б) Из размышлений о русской революции // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья : в 2 т. / сост. В. М. Пискунов; коммент. Н. Б. Злобина. М. : Искусство. Т. 2. 684 с. С. 8–46.

Франк, С. Л. (1995) Сущность и ведущие мотивы русской философии // Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды / гл. ред. П. В. Алексеев. М. : Книга и бизнес. 751 с. С. 719–725.

Шульгин, В. В. (1989) Дни. 1920. М. : Современник. 558 с.

Дата поступления: 15.06.2017 г.

CIVILIZATIONAL FACTOR OF THE RUSSIAN REVOLUTION

A. A. GORELOV

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

One hundred years ago, deep contradictions accumulated in Russia, and they were not peacefully resolved by the elite society of the time. The contradictions intensified both within the capitalist society and between the thriving capitalism and the huge peasant mass educated in the commune which did not stay aloof and was involved in the revolutionary flame.

The paper considers the civilizational factor of the Russian revolution of 1905–1907 and 1917, which is as important as the factor of formation. Attention is drawn to the views of L. N. Tolstoy and V. I. Lenin. They characterised the Russian revolution as anti-capitalist and capable of developing into a socialist one. They also noted the peculiarities of the Russian revolution and its results in terms of the transition from the first, Eastern Orthodox, modification of the Russian idea, to the second — Soviet.

The paper analyses the three main forces of the Russian revolution on three levels — natural, which became active in power vacuum, political — at the level of political coalitions and organizations, and the ideological level, represented by the capitalist and socialist ideologies and the Russian idea. The author shows the establishment of the power of a new nationhood type — the Soviets, based on principles similar to communal self-government under the dominance of the Bolshevik Party; the strengthening of new collectivist forms of life in the economy, under the hard management of a «new-type party»; the coming of socialist principles of morality and ethics which replaced Orthodox, ecclesiastic foundations of the society in the spiritual and ideological sphere.

The paper points out the lessons of the Russian revolution of 1917: the seizure of power and the destruction of the old elite does not ensure the final victory of socialism as a rebirth of the newly emerged elite is possible; building socialism and retaining socialist transformations requires a fairly high level of the moral development of a society; the built socialism must correspond to the peculiarities of this civilization and to the national mentality and the nature of its representatives.

The conclusions of the article can serve as material for further discussions on the events that changed the course of the Russian and world history. The Russian revolution had both positive and negative consequences.

Keywords: history of Russia; revolution; Russian revolution; Soviets; socialism; commune; Bolsheviks; Russian idea; L. N. Tolstoy; V. I. Lenin

REFERENCES

Adamovich, G. V. (1994) Kommentarii. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russko-gozarubezh'ia* : in 2 vol. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1. 539 p. Pp. 428–507. (In Russ.).

Anin, D. S. (1991) Revoliutsiia i ee istoriografiia (Vvedenie). In: *Oktabr'skii perevorot: Revoliutsiia 1917 goda glazami ee rukovoditelei*, comp. by D. S. Anin. Moscow, Sovremennik. 381 p. Pp. 7–96. (In Russ.).

Bulgakov, S. N. (1991) *Kbristianskii sotsializm*. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe otdelenie. 350 p. (In Russ.).

Gertsen, A. I. (2010) *Izbrannye Trudy*, comp. by V. K. Kantor. Moscow, Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia. 776 p. (In Russ.).

Danilevskii, N. Ia. (1991) *Rossia i Evropa*. Moscow, Kniga. 574 p. (In Russ.).

Zenzinov, V. M. (1991) Fevral'skie dni. In: *Oktiabr' skii perevorot: Revoliutsiia 1917 goda glazami ee rukovoditelei*, comp. by D. S. Anin. Moscow, Sovremennik. 381 p. Pp. 105–116. (In Russ.).

Il'in, I. A. (1994) Russkaia revoliutsiia byla katastrofoi. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov; comment. By N. B. Zlobina. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. 684 p. Pp. 286–297. (In Russ.).

Kozhinov, V. V. (2002) *Pobedy i bedy Rossii*. Moscow, EKSMO-Press. 512 p. (In Russ.).

Makovitskii, D. P. (1996) Iasnopolianskie zapiski. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, St. Petersburg, Fond «Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva». Vol. 8. Pp. 25–229. (In Russ.).

Miliukov, P. N. (1994) Pochemu russkaia revoliutsiia byla neizbezna? In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov; comment. by N. B. Zlobina. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. 684 p. Pp. 119–128. (In Russ.).

Savitskii, P. N. (1994) Evraziistvo. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1. 539 p. Pp. 215–233. (In Russ.).

Solonevich, I. L. (1994) Dukh naroda. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. 684 p. Pp. 297–340. (In Russ.).

Stepun, F. A. (1994) Mysli o Rossii. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1. 539 p. Pp. 233–293. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1984a) *Sobranie sochinenii* : in 22 vol. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. Vol. 21. 622 p. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1984b) *Sobranie sochinenii* : in 22 vol. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. Vol. 22. 588 p. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1993) Obrashchenie k russkim liudiam. K pravitel'stvu, revoliutsioneram i narodu. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, Mamontovskii dom ; Muzei russkoi narodnoi zhivopisi. Vol. 3. Pp. 126–129. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1994a) O revoliutsii. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, Mamontovskii dom ; Muzei russkoi narodnoi zhivopisi. Vol. 5. Pp. 86–87. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1994b) O znachenii russkoi revoliutsii. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, Mamontovskii dom ; Muzei russkoi narodnoi zhivopisi. Vol. 5. Pp. 111–128. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1997a) Rabstvo nashego vremeni. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, St. Petersburg, Fond «Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva». Vol. 10. Pp. 135–164. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (1997b) Gde vykhod? In: *Tolstovskii listok*. Moscow, St. Petersburg, Fond «Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva». Vol. 10. Pp. 171–176. (In Russ.).

Tolstoi, L. N. (2000) Nedelanie. In: *Tolstovskii listok*. Moscow, Fond «Za vyzhivanie i razvitie chelovechestva». Vol. 11. Pp. 103–118. (In Russ.).

Fedotov, G. P. (1990a) Tragediia intelligentsiia. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia* / ed. by E. M. Chekharin. Moscow, Nauka. 528 p. Pp. 403–443. (In Russ.).

Fedotov, G. P. (1990b) Natsional'noe i vselenskoe. In: *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture. Filosofiy russkogo posleoktiabr'skogo zarubezh'ia* / ed. by E. M. Chekharin. Moscow, Nauka. 528 p. Pp. 444–449. (In Russ.).

Florovskii G. V. (1994) O patriotizme pravednom i grekhovnom. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov; comment. by N. B. Zlobina. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1. 539 p. Pp. 85–124. (In Russ.).

Frank, S. L. (1994a) Krushenie kumirov. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol. Moscow, Iskusstvo. Vol. 1. 539 p. Pp. 133–202. (In Russ.).

Frank, S. L. (1994b) Iz razmyshlenii o russkoi revoliutsii. In: *Russkaia ideia. V krugu pisatelei i myslitelei russkogo zarubezh'ia* : in 2 vol., comp. by V. M. Piskunov; comment. by N. B. Zlobina. Moscow, Iskusstvo. Vol. 2. 684 p. Pp. 8–46. (In Russ.).

- Frank, S. L. (1995) Sushchnost' i vedushchie motivy russkoi filosofii. In: *Filosofy Rossii XIX–XX stoletii. Biografii, idei, trudy*, ed. by P. V. Alekseev. Moscow, Kniga i biznes. 751 p. Pp. 719–725.
- Shul'gin, V. V. (1989) *Dni*. 1920. Moscow, Sovremennik. 558 p.

Submission date: 15.06.2017.

Горелов Анатолий Алексеевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Адрес: 119842, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14. Тел.: +7 (495) 697-91-28. Эл. адрес: evolepis@iph.ras.ru

Gorelov Anatoly Alekseevich, Doctor of Philosophy, Chief Research Scientist, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 14, Volkhonka St., Moscow, Russian Federation 119842. Tel.: +7 (495) 697-91-28. E-mail: evolepis@iph.ras.ru